

В июне солнце начало припекать нещадно.

В деревне наступила горячая пора — время жатвы. Даже четырех-пятилетние сорванцы притихли: им строго-настрого запретили бегать без дела и путаться под ногами. Детей приставили к домашним заботам — кормить кур или просто сидеть смиренно, лишь бы не мешали взрослым.

В этом году дожди были щедрыми, и колосья на полях налились на славу, но на душе у крестьян не будет покоя, пока урожай не окажется в амбаре, надежно укрытый в мешках. Летние грозы коварны: небо может затянуться тучами в мгновение ока. И если на тяжелые, клонящиеся к земле колосья обрушится ливень, весь труд пропадет зря.

Потому страда — это всегда гонка со временем. Любые домашние неурядицы отходят на второй план. Даже вечно ворчливая Госпожа Тянь теперь не тратила сил на брань: некогда было языком чесать, руки делом заняты.

Работы хватало всем.

Летние дни длинны. Ли Чжоучжоу встал еще до первых петухов. Умывшись ледяной водой, он принялся месить тесто, которое бродило всю ночь. Ловкими, привычными движениями он отправил в печь лепешки в форме лотосового листа, а затем, вытерев руки, пошел в курятник за яйцами.

С приходом тепла куры неслись исправно. В такую жару яйца долго не хранятся, а впереди предстоял тяжелый день, так что Чжоучжоу решил не экономить. Все восемь яиц он пустил в дело: половину на завтрак, половину на обед.

Вскоре на столе дымилась большая фарфоровая чаша — поджарка из яиц с мясным фаршем и мелко порубленной квашеной капустой.

Когда завтрак был готов, проснулись Ли Да и Гу Чжао. Небо еще едва начало светлеть, когда семья принялась за еду. Мягкие лепешки, начиненные сытной поджаркой, и чистая вода из чана — вместо горячей каши, от которой в зной только тяжелее. Глава семейства, не отрываясь, уплел шесть штук подряд.

Его зять в последнее время тоже прибавил в аптите и съел четыре.

Чжоучжоу не отставал от отца. Покончив с едой, они подхватили серпы и отправились в поле. Гу Чжао понимал, что силой ему с ними не тягаться, но и оставаться в стороне, когда родные надрываются, не желал.

«Пусть я не скошу целый му за день, — думал он, — но пол-му осилю точно»

Он упросил мужа и тестя идти вперед, пообещав догнать их позже. Перемыв посуду, Гу Чжао сварил большой котел отвара из мунга для защиты от жара и оставил его остывать под крышкой. Сложив серп и три огромные чайные кружки в бамбуковую корзину, он запер ворота и поспешил к полю, неся котел в руках.

Когда он добрался до места, было около семи утра. У межи уже высились аккуратные снопы скошенной пшеницы.

— Сянгун, зачем ты пришел? — спросил Чжоучжоу, выпрямляясь.

— Чжоучжоу, научи меня, как сподручнее, — Гу Чжао состроил жалобную мину. — Я буду потихоньку, только не гони меня. И не сердись, если я окажусь бестолковым.

Разве мог Ли Чжоучжоу сердиться? Он видел, что муж искренне хочет помочь. Смахнув пот со лба, он мягко улыбнулся:

— Ну что ты, я всё покажу. Ты у меня умный, вмиг научишься.

— Серп держи вот так. Спину сильно не разгибай, иначе быстро устанешь. Срезай плавным движением.

— Как наберешь охапку — связывай. Используй солому, чтобы потом легче было переносить.

Чжоучжоу объяснял терпеливо, показывая каждое движение: как подрезать, как вязать узлы, чтобы сноп не рассыпался.

— Если устанешь — сразу отдыхай.

— Знаю-знаю. И вы с отцом тоже не забывайте про отдых. Я отвар принес.

На этом разговоры кончились — началась страда.

Ли Чжоучжоу работал споро и красиво. Ряд за рядом падали колосья, оставляя после себя аккуратное жнивье высотой в ладонь. Гу Чжао предложил в этом году попробовать сжечь стерню для удобрения, поэтому муж намеренно оставлял стебли подлиннее. Пепел — лучшее питание для земли.

Через равные промежутки на поле оставались лежать пухлые снопы. Сразу было видно: работал мастер, привыкший к этой доле с малых лет.

Прошло три часа. Гу Чжао окликнул родных и протянул им кружки с отваром. Солнце уже стояло высоко, и все трое были мокрыми от пота. Юноша подал чистое полотенце.

Отвар из мунга на солнце стал теплым, но всё равно отлично утолял жажду и придавал сил.

— Отец, ну как я справляюсь?

Ли Да вытер лицо потной ладонью, залпом осушил полкружки и, придирчиво оглядев работу зятя, одобрительно хмыкнул:

— Снопы связаны крепко. Хорошо.

«Для книжника скосить столько за утро — дело немыслимое», — подумал старик.

Прежде он гнал от себя всякие надежды, боясь сглазить, но теперь, когда он своими руками ощупал тяжелые колосья, сердце его запело от радости. Глядя на Гу Чжао, он больше не видел в нем обузы. Пусть в руках силы маловато, зато голова варит — вон какую пшеницу в этом году выходил.

Осушив кружки, отец и сын проработали еще два часа. К полудню, благодаря подмоге Гу Чжао, они убрали уже два му. Глядя на кучи золотистых снопов, Ли Да скомандовал:

— Идите-ка вы с Чжао домой, приготовьте обед. Отдохните немного и возвращайтесь.

— Хорошо, отец. Ты тоже передохни, — отозвался Чжоучжоу.

В страду на поле всегда кто-то должен оставаться — не ровен час, утащат снопы. Пока мужья уходили, по дороге им встречались сельские тётушки, несущие узелки с обедом своим мужчинам. Семье Ли приходилось крутиться самим.

Вернувшись, супруги принялись за готовку в четыре руки.

Чжоучжоу поставил вариться рис. В зной, когда в поле пот градом, хочется только пить, но без твердой пищи сил не будет. Жидкие каши сейчас не подмога — нужен настоящий, рассыпчатый рис.

Оставшиеся четыре яйца он поджарил с ломтиками мяса и нежной губчатой тыквой из огорода. Для люфы было еще рановато, но она оказалась такой молодой, что даже семечки вынимать не пришлось.

Когда обед был готов, супруги быстро перекусили сами, оставив долю отцу. Гу Чжао вызвался

отнести еду в поле, наказав мужу передохнуть. Чжоучжоу, заметив, что чан с водой опустел, спорить не стал: пока муж в пути, он успеет сходить к колодцу.

В крестьянском доме отдых — понятие условное. Пока идет жатва, делам конца и края нет. Наполнив кадки, Чжоучжоу, не присаживаясь, запер ворота и поспешил обратно на поле.

Ли Да сидел на меже, неторопливо попивая воду из своей огромной кружки. Рядом располагался надел тётушки Ван. Её муж, завидев у соседа диковинную посудину — не то чашу, не то кувшин, — любопытствовал:

— Что это у тебя за штука?

— Зять мой, Чжао'эр, придумал, — старик с гордостью протянул кружку соседу.

Тот покрутил её в руках, открыл и закрыл крышку и, возвращая, поднял большой палец:

— Славная вещь. Вместительная и чистая, не надо с миской туда-сюда бегать.

Тут подросла и сама тётушка Ван с обедом. За ней семенила старшая невестка с корзиной в руках. Они принесли десяток лепешек, салат из люфы и жидкую кашу. На всех — всего два вареных яйца.

После зимней истории с печью отношения между тётушкой Ван и невесткой дали трещину. Та никак не могла забыть, как её ребенок плакал от холода из-за десяти медяков, которые свекровь пожалела на уголь. С тех пор в семье царил лишь видимый мир, а в душе у невестки копилась обида.

— Дядюшка Ли, — почтительно поздоровалась она.

Ли Да коротко кивнул. Тётушка Ван метнула на невестку сердитый взгляд, но та сделала вид, что не заметила, и принялась ухаживать за своим мужем.

Сосед, жуя сухую лепешку, заметил, что хозяйину надела еще никто не принес еды, и предложил поделиться, за что тут же получил чувствительный тычок локтем от жены. Ли Да, не заметив их безмолвной перепалки, вежливо отказался.

Не успели соседи доесть и половины, как показался Гу Чжао.

— Отец, заждался?

— Почему это Учёный Гу еду носит? — удивился сосед. — Где же Чжоучжоу?

Разве пристало мужчине заниматься бабьей работой? Книжник, раскладывая еду для тестя, спокойно ответил:

— В поле от Чжоучжоу проку больше, чем от меня. Вот я и взял на себя заботы по дому. Мы ведь одна семья, какая разница, кто готовит?

Сосед хотел было что-то возразить, но, заглянув в чашу Ли Да, осекся. Его собственная лепешка вмиг показалась безвкусной соломой.

У Ли Да была полная чаша рассыпчатого риса и гора закусок. У Ванов — та же люфа, только постная, едва сдобренная каплей жира. А у Ли Да — золотистые яйца, крупные ломти сочного мяса... Вот это я понимаю — еда!

Аромат стоял такой, что слюнки текли.

Ли Да не стал спрашивать, поели ли дети — знал, что те себя не обделили. Он принялся за обед с таким аппетитом, что любо-дорого посмотреть. Уплетал за обе щеки, запивая прохладным отваром. Красота!

Люди любят сравнивать. Еще минуту назад соседи жалели отца: мол, бедняга, сидит один в поле, мужские руки дома хозяйничают, Чжоучжоу небось наспех что-то сообразил... А вышло вон как: пусть принесли позже, зато сытно и богато.

В деревне гадали: раньше-то понятно было — жили вдвоем, лишних трат не знали, могли себе позволить мясо. Но за последний год Ли Да и дом отстроил, и зятя в семью взял, да еще и за учебу платит. По идее, мошна должна была опустеть, пора бы и пояса затянуть, а они всё едят в три горла. Почему?

Если бы Ли Чжоучжоу был здесь, он бы ответил: здоровье близких — превыше всего. Лишний кусок мяса или пара яиц погоды в кошельке не сделают, зато сытый работник — сильный работник. На еде экономить нельзя, иначе потом на лекарей больше потратишь. Он лучше сэкономит на одежде: лишний раз заштопает старую, перетряхнет вату в зимнем халате — хлопот много, зато медяк сбережен. Или кур больше заведет, или еще одну свинью — вот тебе и прибыль.

Весь день — от серого рассвета до закатного солнца — они провели в поле. К вечеру было убрано уже четыре с половиной му. Семья перетаскивала снопы во двор, по очереди оставляя кого-то на страже. Ужинали уже при свете масляной лампы.

— Завтра закончим основное, а послезавтра соберем остатки, — подытожил Ли Да.

Из десяти му засушливых земель девять было засеяно пшеницей, а один — бобами и арахисом. Пшеницу убирали раньше проса, так что время еще терпело. Пшеницу в основном везли на

продажу, оставляя себе лишь малую часть, остальное место в амбаре ждало урожая для собственного стола. Остальные поля должны были «отдохнуть» и набраться сил.

Гу Чжао никогда в жизни так не уставал. Голова была пустой, мысли исчезли. Стоило коснуться кана, как он проваливался в глубокий сон без сновидений. Просыпался, ел и снова шел в поле — держался на одном упрямстве.

Он видел, что тестю и Чжоучжоу приходится куда тяжелее, поэтому не позволял себе жаловаться на немощность. Делал что мог, отдыхал минуту и снова брался за серп.

На третий день поле было чистым — даже колоски подобрали до единого. Передний двор в доме Ли, как и у большинства сельчан, был просторным, с плотно утрамбованной землей. Обычно здесь сушили одежду, но в страду двор превращался в ток.

Наступило время сушки и обмолота.

Снопы громоздились в боковых комнатах и дровяном сарае. Не прошло и трех дней после жатвы, как в полдень небо потемнело. Грянул гром, и хлынул проливной дождь.

Ли Да сидел под навесом, потягивая воду.

— Сейчас прольет, и станет легче дышать, — заметил он.

Крестьяне, жившие плодами земли, поспешили убрать хлеб заранее. Только лентяи теперь кусали локти: если дождь затянется, зерно в поле начнет гнить.

Чжоучжоу с тревогой смотрел на потоки воды. Он вспомнил про дядю Вана — у того оставалось еще му четыре-пять необранных. Гэ'эр предлагал помощь, но Ван Сюэ отказался, сказав, что у него всё под контролем. Чжоучжоу тогда не понял, почему сосед так уверен, но муж шепнул ему:

— Послушай дядю Вана, он знает, что делает.

Теперь Чжоучжоу понял.

У Ван Сюэ было пять му заливных и десять засушливых земель. Часть земель он продал еще в молодости, а те, что остались после смерти Ван Эргоу, община должна была забрать обратно — но только после жатвы. Обычно Эргоу с отцом кое-как справлялись с половиной, а остальное бросали на дядю Вана, жалуясь на боли в спине. Тот, боясь дождей, надрывался один.

В этом году, когда началась страда, старик Ван по привычке погнал невестку в поле. Ван Сюэ пошел, но если раньше он работал до седьмого пота, оберегая свекра, то теперь сменил

тактику. Стоило старику заикнуться о боли в руках, как Ван Сюэ тут же опередил его: «Ох, отец, и у меня всё тело ломит, сил нет». Отлежавшись утро, он выходил в поле только после обеда.

В итоге, когда вся деревня закончила жавту, у Ванов оставалось еще пять му.

Все в деревне знали: дядя Ван после смерти мужа совсем сдал. Понятное дело — столько лет тянул лямку, а тут такое горе.

Так что в этом году пахать пришлось старику Вану. А раз он ленился — зерно оставалось в поле. Ван Сюэ лишь кротко поддакивал: «Отдохни, батюшка, пшеница не коза, никуда не убежит».

А потом пошел дождь.

Тут уж старики зашлись в крике. Кляли небеса, проклинали невестку за то, что не убрала хлеб вовремя. Ван Сюэ молча сносил брань, не проронив ни слова.

Голоса свекров гремяли громче грозовых раскатов. Соседи лишь кривили губы:

«Опять старики человека изводят. Бедный Ван Сюэ, и муж был иродом, и родители его — чистые волки»

К счастью, дождь быстро кончился. Вновь выглянуло солнце. Ли Да, глядя на чистое небо, расплылся в улыбке:

— Завтра начнем сушить.

— Хорошо, отец, — Чжоучжоу вытер руки и долил теплой воды в кружку теста. Хозяину эта посудина пришлась по душе даже больше, чем Гу Чжао.

Чжоучжоу зашел на кухню, зачерпнул полный ковш и отнес в комнату мужу, который засел за книги.

***

На следующий день начался обмолот.

Сначала двор хорошенько вымыли водой. Когда земля просохла, начали выносить снопы из боковых комнат и раскладывать их ровными слоями. Колосья еще держались на стеблях, и теперь их нужно было давить каменным катком, пока зерно не отделится.

Во всей деревне волю были только у старосты да у Ли Эра. С ними работа шла куда легче — животное само тянуло каток. Пусть братья и разделили хозяйство, но кровь не вода, в одном селе живут, положено помогать. Однако Ли Да ни разу не попросил брата о помощи.

Год за годом он сам впрягался в каток.

И этот год не стал исключением.

Каменный каток представлял собой тяжелый цилиндр с отверстием посередине, через которое была продета веревка. Эту веревку человек обвязывал вокруг пояса и тянул за собой. Гу Чжао решил попробовать свои силы: набрал воздуха в грудь, напряжился... и не сдвинул махину ни на цунь.

Ли Да так и покатылся со смеху. Гу Чжао смутился:

— Отец, ну зачем так громко смеяться...

— Муж мой, ты просто не так берешься, — вступился за него Чжоучжоу и принялся терпеливо объяснять: — Нельзя тянуть только поясницей. Нужно помогать руками. А ну-ка, попробуй еще раз.

Гу Чжао сделал, как учил муж: ухватился за веревки по обе стороны, навалился всем телом, напряжинил руки... И каток тронулся!

Поехал!

«То-то же! — подумал Гу Чжао с гордостью. — Не такой уж я и хлюпик. Три дня страды не прошли даром»

Он с энтузиазмом сделал три круга, пока тесть не отобрал у него веревку. Старик, посмеиваясь, велел зятю отойти в сторонку. Тот с восхищением наблюдал, как Ли Да легко и непринужденно тащит тяжеленный каток — круг за кругом, круг за кругом.

«Отец... Настоящий богатырь. Не зря он ту двухсоткилограммовую тушу кабана на себе тащил»

Ли Да в этом году чувствовал небывалый прилив сил. На душе было легко: Чжоучжоу пристроен, зять оказался человеком достойным, пусть и не мастак в полевых работах...

Эти мысли грели его пять дней, пока не пришло время очищать зерно. Солому связали и убрали в сарай. Зерно каждый день выносили сушить на солнце, а на ночь убирали в хранилище — боялись ночного дождя. На пятый день Ли Чжоучжоу обнаружил, что прошлогодние мешки закончились.

Ли Да опешил:

— Как это — закончились?

Чжоучжоу и сам растерялся. Засеяли столько же, сколько в прошлом году, но еще во время обмолота и очистки зерна они заметили, что колосья необычайно полные и тяжелые. Работать пришлось на день дольше обычного, но радость перекрывала усталость.

Зерно — это жизнь. Это серебро.

Но почему не хватает мешков? Это же те самые мешки, в которых хранили прошлогодний урожай — Чжоучжоу лично их проверял и просушивал.

— Чжоучжоу, надо купить еще мешков. Хотя нет, я сам съезжу, — у отца азартно блеснули глаза. В хранилище и сарае оставалась еще добрая половина неочищенного зерна, а тара уже кончилась? Неужели урожай в этом году...

Ли Да боялся даже верить своим догадкам. Он схватил деньги и поспешил в город.

Он обернулся быстро, набрав мешков с запасом. Вернулся уже затемно, так что никто в деревне его не видел. На следующее утро старик вскочил ни свет ни заря — не терпелось продолжить работу.

Первый день, второй, третий, четвертый...

Наконец, всё было закончено.

Вся боковая комната была до потолка забита аккуратными рядами мешков.

Один такой большой мешок вмещал сто цзиней зерна. Обычно с их девяти му собирали меньше восемнадцати мешков — где-то по сто восемьдесят — сто девяносто цзиней с му. Гу Чжао при расчетах брал по двести цзиней.

— Да откуда ж столько возьмется? — посмеивался раньше Чжоучжоу. — Пятнадцать — шестнадцать мешков в добрый год — уже счастье.

Гу Чжао лишь отшучивался:

— Вот увидишь, в этом году урожай будет знатный.

И вот теперь в амбаре семьи Ли стояло ровно тридцать семь мешков. Ли Да для виду ворчал,

что пшеницу надо еще разок просушить, мол, вес уйдет, но улыбка не сходила с его лица. Даже если зерно еще потеряет влагу, ну убудет мешок-другой, но не половина же!

На следующее утро за завтраком Гу Чжао заметил, что тесть смотрит на него с нескрываемой нежностью. Он даже велел Чжоучжоу варить мужу по яйцу каждый день — мол, для ума полезно.

— Чжоучжоу, ты давай Чжао'эр побольше яиц вари, пусть голову подпитывает, — сказал старик.

Так Гу Чжао прошел путь от официального имени до ласкового «Чжао'эр». Цена вопроса — удвоенный урожай.

«Просто высший класс» — подумал молодой человек.

Гу Чжао довольно уплетал подношение. Ли Да, не теряя времени, отправился сеять просо, напевая под нос какую-то веселую мелодию.

Книжник предложил сжечь солому и использовать пепел как удобрение. Отец теперь верил зятю беспрекословно. Выбрав безветренный день, когда соседи уже убрали хлеб и на полях остались лишь колючие стебли да пара му арахиса, он принялся за дело.

Поле под просо находилось в стороне от земель семьи Ван. Ли Да выбрал участок в два му и начал выжигать стерню, зорко следя с лопатой в руках, чтобы огонь не перекинулся на соседей.

А дома Ли Чжоучжоу каждый день выносил зерно на просушку и снова упаковывал. Гу Чжао помогал держать мешки, нацепив самодельную маску — во время очистки зерна от шелухи он соорудил себе защиту, а потом муж, проявив смекалку, сшил такие же для всей семьи. Теперь пыль не забивала нос.

Наступил июль. Вся деревня закончила со своими закромами. Староста пошел по домам — записывать урожай для уплаты налога. Вскоре должны были прибыть чиновники: они проверят записи, осмотрят зерно на предмет гнили или старых запасов (за подмену полагался штраф), и только тогда староста в сопровождении мужчин отвезет налог в город.

Там, у города, выстраивались очереди из десятков деревень. Старосты вели переговоры, а мужчины ставили отпечатки пальцев, подтверждая сдачу налога.

В день, когда староста пришел к семье Ли, ворота были распахнуты. Вместе с ним увязались несколько любопытных соседей. Всем хотелось узнать, каков урожай у Ли Да. Еще в поле было видно, что колосья у него знатные, но одно дело — на корню, и совсем другое — в мешках.

Стол вынесли прямо во двор, чтобы представителю власти было удобно писать. Ли Чжоучжоу подал гостям прохладный чай.

— Ну что, Ли Да, ты в этом году землю-то удобрял. Неужто урожай хуже нашего? — подначил кто-то.

Хозяин дома лишь добродушно посмеивался — радость его переполняла, скрывать было нечего, да и не вышло бы.

— Урожай в этом году и впрямь недурен, — обратился он к старосте. — С девяти му пшеницы вышло тридцать шесть дань.

— ЧТО?!

Староста, только отпивший чаю, поперхнулся и выплюнул всё обратно. Глаза его округлились.

— Сколько ты сказал? Тридцать шесть дань? Ли Да, ты шути не шути, а на бумагу-то я правду запишу!

— А чего мне шутить? Напишешь больше — налог больше возьмут, себе-то я не враг. Коли не веришь — иди в амбар, сам считай.

Любопытных как ветром сдуло — они бросились к хранилищу. Тридцать шесть дань?! У них самих в этот удачный год вышло едва двадцать дань с одиннадцати му, а тут — девять му и такой результат?

Ли Да распахнул двери хранилища:

— Считайте, считайте. Когда это я людей обманывал?

И то верно. Но тридцать шесть дань! Старые крестьяне, что всю жизнь в землю вросли, никогда не видели, чтобы девять му давали столько хлеба.

Пересчитывали несколько раз. Кто-то, не веря своим глазам, спросил:

— Точно девять му? Может, пятнадцать?

— У меня всего десять му засушливых земель, — Ли Да довольно оскалился.

Староста кивнул — он-то знал наперечет каждый клочок земли в деревне. Против правды не попрешь. Значит, и впрямь — девять му и тридцать шесть дань?

— Ох, боги милостивые... — бормотал он, глядя на мешки. — Тридцать шесть дань с девяти му... Невероятно.

Он даже сесть не мог — так и стоял у стола, не сводя глаз с хозяина амбара.

— Как же так вышло? Год удачный, спору нет, но у меня вышло лишь по одной дань и восемь доу с му.

То есть сто восемьдесят цзиней.

Тут из кухни вышел Гу Чжао. Он поприветствовал гостей и стал слушать их разговор. Тесть сиял как начищенный медный таз. Еще бы — теперь его зятя называли уважительно «Чжао'эр»!

Ли Да не умолкал, его смех разносился по всему двору. В кухне Чжоучжоу шепнул мужу:

— Я никогда не видел отца таким счастливым.

— Еще бы, столько зерна — тут любой бы заплясал, — ответил Гу Чжао.

Чжоучжоу загадочно улыбнулся:

— Не только в зерне дело.

Раньше, хоть Гу Чжао и придумал печь, его репутация среди мужчин деревни была так себе. Бабы-то его хвалили, а мужики косились: мол, занимается домашними делами, как не мужик вовсе, позорит наше сословие. Да и силы в нем нет, в поле от него толку чуть.

Ли Да знал об этих пересудах. Ему порой в глаза смеялись: «Твой зять-то хоть пол-му за день скосил? Как же ты на старости лет с ним управляться будешь?»

Он не мог лезть в драку после каждого такого слова. Но теперь всё изменилось. Гу Чжао заставил всех умолкнуть. Он прославил дом Ли на всю деревню. Теперь никто не посмеет сказать, что Ли Чжоучжоу взял в дом задохлика просто потому, что больше никто не пошел.

— Удобрения! Я ж вам говорил! — гремел голос Ли Да. — Зять мой, Чжао'эр, в книгах вычитал, как их делать. Видели теперь? Я ж не таился, когда на поле их возил, все видели! Всем говорил — никто не верил...

Книжник, услышав это, невольно улыбнулся. Отец был в своем праве. Минута триумфа для простого крестьянина — это дорогого стоит.

Соседи и староста теперь сменили тон. Расспрашивали хозяина, признавали, что были неправы, и рассыпались в похвалах — и ему, и Гу Чжао, и даже Чжоучжоу, мол, какого справно́го мужа в дом привел!

— И впрямь, у ученых людей мозги по-другому варят! — донеслось из толпы.

Ли Да, утолив жажду признания, подобрел и подробно изложил всё, что знал об удобрениях.

— И это всё? Так просто? И денег не стоит?

— Каких денег? У тебя в доме помоев нет? Или навоза от свиней да кур не найдешь? Только уговор: солому в этом году не жгите, оставьте на удобрения к весне!

Один из мужиков в ужасе хлопнул себя по бедрам:

— Беда! Моя хозяйка только и делает, что печь пшеничной соломой топит! Побегу скорее, пока всё не спалила!

— Куда ты! Погоди, я еще не всё сказал! — Ли Да не дал ему уйти, пока не выложил все тонкости.

Староста, которому пора было идти дальше, застрял здесь на добрый час. А когда разговор о пшенице затих, слово взял Гу Чжао. Теперь на него смотрели как на сошедшее на землю божество урожая. Для крестьянина человек, умеющий приумножить хлеб, куда важнее любого мудреца с его непонятными трактатами.

Зять вежливо поклонился старейшинам и сбросил вторую «бомбу»:

— Рис мы уже посадили. Когда я зимой изучал книги об удобрениях, нашел способ и для заливных полей. Только там нужны особые добавки, за которые платить надо. В ту пору у нас с серебром было туго, вот мы и решили сначала на пшенице испытать.

Все замерли. Староста первым пришел в себя, усадил Гу Чжао и попросил рассказать поподробнее: что за добавки, сколько стоят и можно ли ждать такого же небывалого урожая риса.

Ли Чжоучжоу подал гостям еще чаю. Он вспомнил, как муж расспрашивал про известковую пыль и узнавал цену. Видать, вот к чему он клонил. Если закупать её на всю деревню, выйдет куда дешевле.

— Я вычитал этот способ в книгах, сам еще не пробовал, — спокойно заговорил книжник. — С пшеницей мы тоже не знали наверняка, что получится. Но отец и Чжоучжоу поверили мне, не

побоялись лишнего труда.

— Обещать, что урожай риса тоже удвоится, я не могу.

— Деньги нужны на известняковый порошок. Я узнавал: мешок в пол-дани стоит двести тридцать медяков. Если брать оптом, цена упадет. Но спешить не надо, порошок еще обработать нужно.

Гу Чжао встал и отвесил старосте низкий поклон. Тот так и расцвел: не каждый день ученый человек выказывает простому деревенскому главе такое почтение.

— Мы в этом году первыми рискнули. Сами испытали способ, и теперь, когда он сработал, таиться не станем. Я научу каждого, как делать удобрения для полей — без утайки.

— Мой отец и мой муж — коренные жители Сипин. Теперь и я — часть семьи Ли, часть вашей общины. В трудные времена деревня всегда помогала моим родным, добрым словом или делом. Негоже мне одному радоваться богатому урожаю — мы должны процветать все вместе.

Староста растрогался до слез:

— Золотое сердце у твоего зятя, Ли Да!

— Благодарю за добрые слова, дядя Ван, — ответил Гу Чжао. — Что же до удобрений для риса... Поскольку мы сами их еще не испытывали, мы не знаем, как они повлияют на колосья и на саму землю. Поэтому я прошу вас, дядя Ван, объяснить это людям: кто захочет рискнуть в этом году вместе с нами — приходите в дом Ли. Я научу, как готовить подкормку. Сделаем всё сообща.

Староста согласно закивал. Соседи, которые раньше посмеивались над «неможным книжником», теперь прятали глаза — стыдно стало за прошлые речи. Человек к ним с душой, хочет всех за собой потянуть, а они...

В деревне ведь как: иной раз за лишнюю мерку зерна удавятся, секрета посева не выдадут. А тут — всё на блюдечке.

К тому времени как Чжоучжоу проводил гостей, уже совсем стемнело. Ужин запоздал, но Ли Да был так воодушевлен, что и о голоде забыл.

— Не спеши, сынок, — с улыбкой сказал он Чжоучжоу, — делай потихоньку.

Ли Чжоучжоу, сияя от счастья, принялся варить кашу.

Когда в зале остались только свои, Гу Чжао тихо спросил тестя:

— Отец, ты не в обиде на меня? Я ведь не спросил твоего согласия, прежде чем про рис заговорить...

— Ну что ты, — старик по-отцовски приобнял зятя за плечо. — Ты всё правильно сделал. Урожай-то у всех на виду, его не спрячешь. Таиться с удобрениями было нельзя — в следующем году нам бы жизни не дали, поля бы портили из зависти. Нешто нам теперь на меже ночевать, урожай караулить?

Он мудро покачал головой:

— Рассказать старосте про рис — это был верный ход. Дело это новое, затратное... Если мы сами сглупим — ну, погорюем, затянем пояса, авось перебьемся. А если сосед по нашему совету поле испортит — век проклипать будет.

Гу Чжао кивнул:

— И я о том же, отец. Пшеничные удобрения — дело простое, навоз да зола. А вот порошок каменный — тут тонкость нужна. Если бы односельчане, завидев наш успех, начали сами химичить — и впрямь могли бы беды натворить. А теперь всё под присмотром старосты будет: кто смелый — придет к нам, кто боязливый — подождет до следующего года.

Была и еще одна причина, о которой Гу Чжао не сказал вслух. Он хотел закрепить авторитет семьи Ли. Староста, жадный до успеха, непременно испробует новый способ хотя бы на паре му. И пока деревня будет верить Ли Да и слушать Гу Чжао, статус их семьи будет расти.

Раньше Ли Да хоть и был уважаем за силу, но на него смотрели свысока — один растит гэ'эра, за душой никого. Семья была на обочине деревенской жизни, а бабы вроде Госпожи Тянь считали своим долгом перемыть им косточки.

В современном мире можно запереться в квартире и плевать на соседей, но в деревне, где все связаны тысячей нитей, авторитет и положение — это залог спокойной жизни.

Гу Чжао не собирался быть просто «добрым самаритянином». Бесплатный сыр, как говорится... Он хотел, чтобы Ли Да и Чжоучжоу заняли достойное место в общине. Вспомнить хоть дядю Вану: всю жизнь надрывался ради свекров, а получил лишь побои да репутацию «несчастливого мученика».

Какая от этого польза? Никакой. Нужно заставить людей уважать себя. И Гу Чжао был полон решимости сделать дом Ли самым уважаемым в деревне Сипин.

<http://bllate.org/book/15349/1421471>